

Р.Г. Апресян

УДК 17.01 + 17.02

Функциональные предпосылки этического консультирования

Аннотация. В этических теориях, жестко увязывающих мораль с автономией мотивов и индивидуальной ответственностью личности в решениях и действиях, идея этического консультирования воспринимается чужеродной для морали. Между тем, не только моральное формирование индивида проходит в процессе социализации и благодаря воспитанию (т.е. опосредованно постоянному явному и неявному участию других), но и моральная регуляция поведения также в значительной мере представляет собой воздействие людей друг на друга в форме советов, рекомендаций, указаний, оценок. В этом смысле внешний фактор всегда актуален для морального деятеля. Этическое консультирование является формализованным и специализированным проявлением этого обычного и органичного для «естественной» морали внешнего фактора. Современная практика консультирования показывает, что за исключением вопросов разработки нормативных документов, консультирование по этическим вопросам востребовано по более общим вопросам, связанным с профессиональной деятельностью, в организациях. Это же касается консультирования в рамках личного коучинга: этические вопросы затрагиваются в контексте общих смысложизненных и профессиональных вопросов или конкретно-ситуативных задач.

Ключевые слова: автономия, гетерономия, ответственность, авторитет, взаимная моральная регуляция, условия востребованности этического консультирования.

Консультирование – это деятельность по информационному и методологическому обеспечению лиц, ищущих помощи в принятии решения и его успешной реализации. Особенности есть у политического [10], делового [21], клинического [22, 13] и других видов консультирования. Все они нередко содержат этическую компоненту. Отдельная тематизация самого по себе этического консультирования может вызывать настороженность, даже скепсис по двум основаниям. Первое – связано с определенным пониманием характера моральных решений – таким, при котором в нём усматривается воплощение индивидуальной ответственности индивида и только ее. Второе основание задано сомнением в реалистичности задачи этического консультирования как такового: кто и в каких условиях может стать заказчиком такого рода работы и кто мог бы за него взяться.

Эти два вопроса и рассматриваются далее в статье.

1. Индивидуальная ответственность моральных решений и действий – оборотная сторона автономии морального деятеля. В разных философских течениях автономия признается существенной для морали характеристикой мотивов, решений и действий. Такое понимание морали формируется в античной философии, получает развитие в нововременной философии, а в эксплицитной и концептуализированной форме – у Иммануила Канта.

Примечательны слова Канта о том, что мораль основана на «понятии о человеке как существе свободном» (6, 78). Этой свободе не противоречит то, что человек рационально ограничивает себя безусловными законами, и выражается она в том, что он «не нуждается ни в идее о другом существе над ним, чтобы познать свой долг, ни в других мотивах, кроме самого закона, чтобы этот долг исполнить» (Там же). Кант не только выводит человека как субъекта морали из-под благодатной опеки Бога, он также указывает на исключительный характер морального мотива, не зависящего от каких-либо иных мотивов. В понятии автономии Кант снимает те дистинкции, которые предшествующая моральная философия нарабатывала в понимании моральной мотивации. Поэтому он не видит надобности в том, чтобы специально указывать на неоднократно проговоренное другими о самостоятельности морального субъекта по отношению к непосредственному окружению – к влиянию чужих мнений, примера, обычая, а также о внутренней независимости от желания наслаждений, благополучия, славы. В предшествующей нововременной моральной философии и отношение к Богу было представлено как предмет личностной независимости. Бог тем самым отнюдь не предавался смерти, но отношение человека к Богу мыслилось как необходимо ответственное и не унижающее его достоинства. Всех этих деталей идеи автономии нет в высказывании Канта, – но они собраны в утверждении о том, что индивид в качестве морального субъекта самозаконотворителен, и в этом деле не нуждается ни в советнике, ни в наставнике, ни в помощнике; ему достаточно для этого себя самого.

Идея самостоятельности человека в моральном деле по-своему выражена у раннего Михаила Бахтина. В известном этюде о философии поступка Бахтин представляет самостоятельность человека как его полную нравственную состоятельность, его самовыраженность в инициативном и ответственном поступке. В этюде можно встретить слова о связности Я с Другим и Другими, об обращенности Я к ним, о любви к людям, но в целом в нем превалирует идея о единственности и человека, предоставленности его самому себе. Нравственный индивид выступает как агент долженствования, но

долженствование не задано отвлеченным и извне предъявленным принципом, оно утверждается деятельно, непосредственно в поступке. И наоборот, возможная нормативная рефлексивность относительно долженствования, попытка познавательного и, значит, объективирующего отношения к нему признается Бахтиным уничтожающим долженствование в качестве своего, изнутри-нудительного, единственного долженствования. По-разному выраженная мысль Бахтина о единственности агента поступка – например: «...я только себя единственного переживаю во всем бытии; всякие другие Я (теоретические) не есть Я для меня; это единственное мое (нетеоретическое) Я причастно к единственному бытию: Я *есмы* в нем» [1, 39. – «Я» дано прописной буквой, курсивом передана разрядка мной, – Р.А.], – может быть проинтерпретирована как отражение лишь одной стороны индивидуального нравственного опыта. Но это не так – целостный анализ этюда показывает, что в такого рода выражениях передан исключительно возможный нравственный опыт, суть которого, с точки зрения интересубъективности, заключается в том, что Другой существует для Я как идеальный Другой, как предмет рефлексии, но не деятельного, практического отношения, не как цель и смысл поступка: «То, что я с моего единственного в бытии места хотя бы только вижу, знаю другого, думаю о нем, не забываю его, то, что и для меня он есть — это только я могу для него сделать в данный момент во всем бытии, это есть действие действительного переживания во мне, восполняющее его бытие, абсолютно прибыльное и новое и только для меня возможное» [Там же]. Тем самым человек как нравственный деятель выпадает из ценностного, социокультурного, коммуникативного контекста. Этюд о философии поступка был отложен Бахтиным, и какое-то время замысел изложить нравственную философию связывался им с работой «Субъект нравственности и субъект права», которая так и не была создана [3, 416]. Однако проблематику самоопределения Я и отношения Я и Другого он не оставил, причем в ее разработке тема противостояния единственного Я и Другого, принципиальной независимости Я от Другого получила дальнейшее развитие. Привилегия единственности утверждается индивидом, по Бахтину, во взаимоисключении Я и Других, неслиянности Я с Другими [2, 160]. Таким образом, автономия морального деятеля оборачивается его полным отстоянием от других и соответственно невозможностью его сохранения в собственном качестве в условиях какой-либо отзывчивости на рекомендательные и наставительные обращения других.

Кант и Бахтин с предельной ясностью передали феноменологию индивидуального морального сознания, причем развитого мора-

льного сознания и в особом его аспекте – морального самосознания, которое действительно удостоверяет себе самое себя именно в отворачивании от других. Следует отметить, что в той или иной форме это отворачивание носит самопроверочный, экспериментальный характер и является моментом целостного и внутренне неоднородного морального опыта личности, в котором, наряду с ее концентрированностью на себе самой, имеют место и обращенность к другим как суверенным, более или менее опытным, требующим и заслуживающим признания. Восприимчивость морального деятеля к моральному опыту и авторитету других нисколько не противоречит характеру морали, будем ли мы рассматривать мораль с точки зрения ее собственной природы или с точки зрения особенностей ее психологических, социально-психологических и социокультурных проявлений.

С генеалогической точки зрения, индивид в своем моральном развитии начинает с гетерономной стадии, на которой сначала элементарные, а затем более развитые принципы поведения и человеческих взаимоотношений задаются именно извне взрослыми в процессе его социализации, спонтанной и направленной.

При кантианском или протокантианском взгляде на мораль эта стадия в развитии индивида не признается в качестве моральной [17], но такой подход оправдан при ограниченном понимании индивидуальной моральности исключительно как самоопределения. Другая картина открывается при истолковании морали как института межличностной коммуникации и социальной интерактивности, ориентирующего индивида на благо других и социума, побуждающего индивида всячески содействовать благу других, возможно ценою ущемления своих личных интересов. При таком подходе, действия, демонстрирующие признание приоритета оправданных интересов других над своими интересами, являются определенным (хотя и не исчерпывающим) свидетельством моральной вменяемости деятеля.

Моральная зрелость личности проявляется в том, что доброжелательные действия совершаются самостоятельно, по внутренней потребности, ситуативно-персонально адекватно, не только эмпатически, но и из солидарности с другими, из заботы о них. Моральное созревание личности может проходить по разным траекториям и с разной скоростью. В этом процессе, по-видимому, важную роль играет способность к эмпатии, нейрофизиологические корреляты которой все более становятся понятными [19]. Но какова бы ни была у индивида эмпатическая, коммуникативная чувствительность, она должна быть социализована, чтобы претвориться в моральную способность. Социализация происходит только в процессе общения, социального взаимодействия, посредством предъявления индивиду – спонтанно

или целенаправленно – образцов и норм ожидаемого поведения, положительной или отрицательной оценки совершаемых им действий, выстраивания в соответствии с оценкой отношений с ним. Все это оказывается значимым внешним фактором как отдельных поступков человека, так и линии его поведения, его морального сознания.

Некоторые аспекты этого процесса фиксируются в психологических исследованиях детского развития. В частности, они показывают, что оценка поступков ребенка и личности ребенка в целом, производимая в соответствии с признанными ценностными критериями авторитетными взрослыми и значимыми сверстниками, оказывается важным фактором пересмотра ребенком своего поведения и изменения его характера.

В исследовании С.Г. Якобсон с сотрудниками [11] изучалось поведение детей в ситуации конфликта интересов и факторы формирования у них способности к моральной саморегуляции¹ поведения. Материалом исследований были решения, принимаемые детьми при распределении благ в условиях игры и динамика их оценочных высказываний по этому поводу в отношении других или самих себя. Важно отметить, что в ходе исследования психологам на основе формирующих опытов удавалось создавать условия, благодаря которым менялось поведение детей: дети, эгоистически настроенные в начале исследования (что определенно проявлялось в распределении благ в свою пользу), под воздействием *внешних* оценок меняли модель своего поведения и начинали при распределении благ принимать во внимание интересы других и даже ставить их выше своих интересов.

На начальном этапе исследования психологи в ходе опроса и эксперимента устанавливали, что все дети не только были знакомы с такими общими нормами, как «следует делиться», «распределение благ следует проводить справедливо (т.е. равным образом)», но и понимали их ценностное значение, что с очевидностью обнаруживалось, когда их просили оценить действия (по распределению благ) неких воображаемых сверстников или известных им сказочных персонажей. При том, что они давали оценки другим в соответствии с моральными нормами, в своем поведении недвусмысленно игнорировали эти нормы и продолжали делать даже тогда, когда психолог или сверстники указывали эгоистам на факт нарушения абстрактно признаваемых ими моральных норм. Поставленные перед фактом, что несправедливость проводимого ими распределения благ оказы-

¹ То есть регуляции своего поведения в соответствии с моральными нормами.

валась явной другим, далеко не все даже стеснялись своего несоответствия признанным нормам и пытались различным образом оправдать свое поведение, представив его чуть ли не общепринятым.

Ситуация менялась, когда факт несправедливого распределения ребенком благ не только констатировался взрослым и сверстниками, но становился предметом их негативной оценки. При этом предметом осуждения мог быть поступок ребенка или его личность в целом. Оценка транслировалась ребенку взрослым со слов сверстников или сверстники имели возможность (благодаря измененным условиям опыта) высказать свою оценку ему в лицо, или ребенок ставился в положение, когда он сам выносил себе оценку. Далее, в оценке поступок или сам ребенок соотносились с нарушенной абстрактной нормой или же со сказочными персонажами, олицетворявшими нравственно-положительный и нравственно-отрицательный образцы. Наконец, в оценке нравственная неприглядность поведения могла удостоверяться путем установления несоответствия положительному образцу или установления соответствия отрицательному образцу. Наиболее сильным стимулирующим воздействием, менявшим направленность поведения «законченных эгоистов», была оценка ребенка в целом как демонстрирующего прямое сходство с негативным персонажем, особенно оценка, к которой благодаря хитрым условиям эксперимента несправедливый ребенок приходил сам, т.е. самооценка.

Исследование показало, что для перемены в поведении ребенок должен перейти к моральной саморегуляции, должен в этом смысле стать субъектом морали, самостоятельно принимающим решения, делающим выбор в соответствии с моральными нормами. Залог этой перемены – в изменении отношения ребенка к самому себе, осознании себя в качестве агента исполнения или нарушения моральных норм, и внутренней зависимости от них своих суждений, решений и действий. В свете нашей темы принципиально важным является то, что эта перемена оказывалась возможной благодаря психологу, т.е. благодаря внешнему воздействию.

Понятно, что в ходе исследовательских экспериментов психолог в концентрированном виде репрезентировал множество разнообразных в своем конкретном выражении процессов социализации, через которые в большей или меньшей мере проходят дети в «естественных» условиях своего социального, психологического и морального развития. В условиях «естественной» социализации эта функция психолога (исследователя-экспериментатора и воспитателя одновременно) распределена между различными индивидуальными и коллективными социальными субъектами, т.е. и в «естественных»

условиях необходимы гетерономные факторы морального становления индивида. Это становление проходит через отдельные события, в которых ребенок далеко не всегда действует только автономно, но это не значит, что не морально. В данном исследовании психолог к тому же экстерииоризировал те когнитивные процессы, которые сопровождают освоение ребенком коммуникативно-социального опыта и его моральное осмысление. В этом смысле психолог выполнил еще и каталитическую функцию, которая в естественных условиях может быть дисперсно распределена и от этого быть довольно размытой.

Таким образом, в исследовании С.Г. Якобсон нравственное преобразование детей обеспечивалось извне – психологом; но важнейшим эффектом этого преобразования было формирование у детей новой модели поведения. Переход от устойчиво несправедливого распределения благ к устойчиво справедливому был результатом пережитой ими внутренней перемены, появления нового референтного морального образца, их сознательного обращения к нему и намеренного, т.е. ответственного поведения в соответствии с совершенным выбором. Родственность этого опыта «естественным» процессам индивидуального морального развития свидетельствует об органичности для морального выбора и принятия моральных решений того или другого рода внешних интервенций. Среди них свое место занимает и этическое консультирование, какой бы специфической, с собственно этической точки зрения, эта деятельность ни была.

2. Этическое консультирование, абстрактно говоря, двояко. Во-первых, предметом этического консультирования является содержание профессиональной деятельности, например, политической, предпринимательской, клинической, – в той мере, в какой результаты этой деятельности затрагивают интересы людей и общества². От профессионалов ожидают принятия социально-ответственных решений, совершения социально-ответственных действий. Ожидания такого рода задают социально-этическое измерение профессиональной деятельности. Моральные вопросы могут затрагиваться и в рамках психологического консультирования, которое направлено на наведение порядка в душе личности, не важно консультируется ли личность как частное лицо или как агент профессиональной деятельно-

² Этическое консультирование рассматривается здесь в приложении лишь к профессиональной деятельности прежде всего потому, что в этом ключе задана рамка для дискуссии в данном номере журнала. О возможностях и парадоксах этического консультирования на индивидуальном уровне (эксперт – частное лицо) см. [8, 147–153].

сти [23]. Порядок в душе имеет к моральному состоянию человека непосредственное отношение. Во-вторых, в случае профессионального консультирования этическая составляющая может касаться того, как осуществляется профессиональная деятельность – насколько деятельность профессионалов отвечает внутрипрофессиональным этическим стандартам. И при одном, и при другом взгляде на этическую компоненту консультирования³ предполагается, что консультирование по этическим аспектам деятельности проводит консультант, осуществляющий общее консультирование. Впрочем, задача этического консультирования обычно отдельно даже не ставится, поскольку предполагается, что профессиональная деятельность по определению этически релевантна [18, 3–54].

К примеру, обычный набор консультационных услуг, предлагаемых высшим учебным заведениям, направлен прежде всего на формулирование и разработку стратегических и инновационных инициатив, стратегическое планирование, управление институциональными изменениями и обеспечение их действенности [15, 12], а также на отбор, разработку и внедрение новых учебных программ и инновационных образовательных моделей, развитие образовательных услуг и при наличии соответствующих условий их продвижение на рынке, повышение эффективности образовательной активности студентов, навыков у них обучения и других видов академической деятельности и т.д. [16]. Консультирование такого рода проводится специалистами в области управления образованием [9]. Даже при отдельном обсуждении этического консультирования не предполагается, что его проводят специалисты-этики; нет, его проводят обычные консультанты (по управлению, инновациям, стратегическому планированию), но внимательные также и к этическим проблемам управления, инноваций, стратегического планирования, и строго соблюдающие в своей деятельности принципы профессиональной этики [14].

Фактическое отсутствие отдельного этического консультирования можно объяснить тем, что нет специфической по предмету, характеру исполнения, выделенности результатов «этической деятельности». Если взять деятельность по стратегическому планированию, к ней отчасти приложимы эти же характеристики: ее результаты не выделены, она не осуществляется сама по себе – она всегда подчинена управленческой деятельности. Но стратегическое планирование имеет четко выраженные аспекты в управленческой деятельно-

³ Наиболее широко обсуждающиеся в связи с консультированием вопросы профессиональной этики консультанта выходят за тематические рамки настоящей статьи.

сти, а инновационность характеризует способы осуществления деятельности, как управленческой, так и производственной. Внутри профессиональной и предметно-определенной деятельности они обладают своим содержанием, воплощенном в параметрах и индикаторах, позволяющих учитывать различные факторы деятельности и оценивать ее соответствующим образом, в частности, по критериям эффективности и результативности [7, 54–68].

Есть особого рода активность, которую можно отнести к «этической деятельности», это активность, направленная на разработку и внедрение этико-нормативных документов. Наиболее распространенная разновидность таких документов – организационные (корпоративные), служебные и профессиональные кодексы. Экспертов, которые могут предоставить консультативные услуги в этом деле у нас не так много, но они есть. Однако, как показывает практика, если экспертов и приглашают в связи с этико-нормативными документами, то не для консультации, а для разработки документов или для экспертной оценки подготовленных нормативных документов. Впрочем, приглашают редко – лишь для разработки нормативных документов особого ранга. При том, что этические кодексы с недавних пор принимаются повсеместно, эксперты по этике не востребованы даже по поводу такой, самой «массовой», формы этической активности. Причина этого очевидна: действительная роль этических кодексов в жизни организаций, корпораций, профессий близка к нулю. Они принимаются «для галочки», потому что на то «есть установка сверху», их никто не намерен применять по-настоящему, и поэтому нет нужды заботиться о том, чтобы они были работающими. Эксперты в этом деле не нужны.

Иная сторона этой же проблемы – этический статус профессиональной и служебной (корпоративной) деятельности и ее результатов. Профессиональная и служебная этика уместны и востребованы в условиях относительной развитости режима самоуправления и механизмов саморегуляции внутри организаций и профессий. Если самоуправления нет или оно сведено к проформе, если для регулирования профессиональной и служебной деятельности оказывается достаточно инструментов административной, служебной и правовой ответственности, то нет нужды в кодексах профессиональной и служебной этики.

Помимо формально-нормативной, профессиональная и служебная (корпоративная) деятельность имеют и другие аспекты, относящиеся к компетенции прикладной этики. Здесь следует указать, прежде всего, на существующие в организации этические режимы, т.е. системы внутренних соглашений, традиций и обычаев, посредст-

вом которых действуют нормы профессиональной и служебной этики. Режимы могут быть предметом административного и коллективного конституирования или результатом спонтанного обобщения опыта профессиональной и служебной деятельности. Каковы бы ни были конкретные этические режимы по своему генезису, они представляют собой потенциальный предмет для этического консультирования. При этом эффективность применения норм профессиональной и служебной этики зависит не только от характера существующего этического режима, но и от степени моральной зрелости работников организации, которая на индивидуальном уровне может варьироваться в довольно широком диапазоне. Эти аспекты профессиональной и служебной деятельности – организационно-институциональное обеспечение нормативности и степень зрелости индивидуальных моральных способностей – также могут быть предметом этического консультирования, как в соотношении с административно-управленческими задачами организации, так и в соотношении с задачами индивидуальной работы с персоналом. Однако следует признать, что задачи такого рода редко признаются в качестве значимых управленческих задач.

Таким образом, можно констатировать множественность негативных факторов для осознания организациями (организации высшего образования – не исключение) потребности в этическом консультировании и, соответственно, отсутствие предпосылок для формирования заказа на этическое консультирование. Иными словами, отсутствие запроса на этическое консультирование это не только свидетельство состояния умов потенциальных потребителей этого вида услуг, не осознания ими объективно имеющейся у них, но не признаваемой ими потребности в нем, это – выражение существующего положения дел, при котором этической составляющей деятельности не придается особого значения.

Для появления интереса к этическому консультированию нужно изменить отношение к этической стороне профессиональной и корпоративной деятельности, а для этого – содействовать пониманию важности этических аспектов и этических эффектов профессиональной и корпоративной деятельности ее участниками и организаторами. Примером эффективности усилий по изменению установок общества в отношении знаний и умений и, как следствие, возникновения запроса на соответствующие консультационные услуги можно считать появление информационно-образовательной инфраструктуры, нацеленной на продвижение программ социально-эмоционального обучения как в сфере школьного образования, так и в бизнес-образовании, в том числе неформальном. Концепция эмоционально-

го интеллекта возникает в начале 1990-х годов и вскоре начинает активно распространяться благодаря получившим значительную известность работам Дэниеля Гоулмана [4]. Усилиями ученых, теоретиков и практиков образования она была успешно претворена в программы обучения для дошкольников и младших школьников, а со временем и для всех возрастных категорий школьных учащихся. Вместе с тем, благодаря специальным работам Гоулмана [5] в обществе утвердилось понимание важности социально-эмоциональной культуры для корпоративного управления и деловых отношений. На это довольно быстро отреагировал рынок консультационных услуг, и развитие социально-эмоциональной компетентности, эмоциональной культуры организаций, эмоционально-релевантных методов управления стало важной частью бизнес-консультирования в самых разных областях [24].

Приведенный пример появления и продвижения нового вида консультационных услуг как таковой мог стать возможным в условиях развитого рынка неформальных образовательных услуг в США. Однако и в России возможны новации такого рода, правда, в рамках других стратегических моделей, в которых внедрение образовательных и консультационных инноваций происходит через структуры государственного управления.

Формально говоря, Институт прикладной этики ТИУ посредством издания «Ведомости прикладной этики» уже многие годы ведет работу, направленную на перемену общественных установок по ряду вопросов, среди которых немаловажное место занимают вопросы этической экспертизы и, стало быть, консультирования. Задача в том, чтобы вынести результаты этой работы за рамки одного, довольно специального, издания, перевести их в программы освещаемых в специальной печати конференций, семинаров, тренингов, наконец, представить в *таких адаптированных формах*, которые могли бы быть усвоены и приняты теми людьми, которые принимают решения и способны создать условия для претворения результатов научной работы на практике. В конечном счете, консультативный потенциал прикладной этики должен быть признан ими, но это дело специалистов по прикладной этике – «озарить» принимающих решения пониманием ее консультативного потенциала и научить их считаться с этим.

Список литературы

1. Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Собр. Соч. в 7 т. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов / Ред. С.Г. Боча-

ров, Н.И. Николаев. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 2003. С. 7-68.

2. Там же. С. 69-264.

3. *Гогтишвили Л.А.* Комментарии //Бахтин М.М. Собр. Соч. в 7 т. Т. 1: Философская эстетика 1920-х годов / Ред. С.Г. Бочаров, Н.И. Николаев. М.: Русские словари; Языки славянских культур, 2003. С. 343-438.

4. *Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект / Пер. с англ. А.П. Исаевой. М.: АСТ; Владимир: ВКТ, 2009. – 478 с.

5. *Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект в бизнесе / Пер. с англ. А. П. Исаевой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 497 с.

6. *Кант И.* О религии в пределах только разума // Кант И. Тракаты и письма / Отв. ред. и автор вступит. ст. А.В. Гулыга. М.: Наука, 1980. С. 78–278.

7. *Керцнер Г.* Стратегическое планирование для управления проектами с использованием модели зрелости. М.: Компания АйТи; ДМК Пресс, 2003. – 320 с.

8. *Прокофьев А.В.* Этическая экспертиза: некоторые метаэтические проблемы // Ведомости прикладной этики. Вып. 41: Прикладная этика: экспертный потенциал./ Под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2012. С. 135-156.

9. *Соснина Т.В.* Роль консультанта в образовательном процессе // Управление образованием: теория и практика. 2013. № 3. С. 183-193.

10. Справочник по политическому консультированию / Под ред. Д.Д. Перлматтер. М.: ИМИДЖ-Контакт; Инфра-М, 2002. – 330 с.

11. *Якобсон С.Г.* Психологические проблемы этического развития детей. М.: Педагогика, 1984. – 144 с.

12. *Ясвин В.А.* Организационное консультирование образовательных учреждений // Психология образования в XXI веке: теория и практика / ред. Т.Ю. Андрущенко, А.Г. Крицкий, О.П. Меркулова. Волгоград: Перемена, 2011. С. 401-403.

13. *Burgess M.M.* Public Consultation in Ethics: An experiment in representative ethics //Journal of Bioethical Inquiry. 2004. Vol. 1. №1. P. 4-13.

14. *Daniels C.* How to Become an Ethical Consultant // Work – Chron.com. URL: <<http://work.chron.com/become-ethical-consultant-18295.html>> (Дата обращения: 29.04.2019).

15. Higher Education Academy Consultancy Services. Helping you promote teaching excellence // Advance HE. URL: <<https://www.heacademy.ac.uk/institutions/consultancy>> (Дата обращения: 29.04.2019). Higher Education Academy Consultancy Services. Helping you promote

teaching excellence // Advance HE. URL: <<https://www.he-academy.ac.uk/institutions/consultancy>> (Дата обращения: 29.04.2019).

16. Higher Education Consulting Services // Pearson. Learning without limits. URL: <<https://www.pearson.com/us/higher-education/products-services-institutions/consulting-services.html>> (Дата обращения: 30.04.2019).

17. Kohlberg L. Stage and Sequence: the Cognitive Developmental Approach to Socialization // Handbook of Socialization Theory and Research / ed. by D.A. Goslin. Chicago: Rand McNally, 1969. P. 347-480.

18. Kultgen J. Ethics and Professionalism. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1988. 408 p.

19. Lamm C., Tomova L. The neural bases of empathy in humans // Neuronal Correlates of Empathy: From Rodent to Human / Eds. K. Meyza, E. Knapska. San Diego: Academic Press, 2018. P. 25-36.

20. Mitcham C. Justifying Public Participation in Technical Decision-Making // IEEE Technology and Society. 1997. Vol. 16. №1. P. 40-46.

21. Newton R. The Management Consultant: Mastering the Art of Consultancy. Harlow: FT Press, 2010. 320 p.

22. Puma J. La, Schiedermayer D. Ethics Consultation: A Practical Guide. Boston, MA; London, UK: Jones and Bartlett Publishers, 1994. 240 p.

23. The Wisdom of Coaching: Essential Papers in Consulting Psychology for a World of Change / eds. R.R. Kilburg, R.C. Diedrich. Washington, DC, US: American Psychological Association, 2007. 425 p.

24. Weiss D. Social Emotional Learning: The Secret Sauce to Success in the Workplace // Timy to Know. 2017.12.19. URL: <<https://www.timetoknow.com/blog/social-emotional-learning-secret-sauce-to-succeed-in-the-workplace/>> (Дата обращения 09.05.2019).